

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2023, Том 14, № 1 / 2023, Vol. 14, Iss. 1 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2023.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/38FLSK123.pdf>

Дата публикации: 23.05.2023

Ссылка для цитирования этой статьи:

Димитриева, О. А. Социально маркированный субъект винопития в прозе А.П. Чехова / О. А. Димитриева // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 1. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/38FLSK123.pdf>

For citation:

Dimitrieva O.A. The socially marked subject of wine drinking in the prose of A.P. Chekhov. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023; 14(1): 38FLSK123. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/38FLSK123.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

Димитриева Ольга Альбертовна

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева», Чебоксары, Россия

Доцент кафедры «Русской и чувашской филологии и культурологии»

Научно-исследовательский институт этнопедагогике имени академика РАО Г.Н. Волкова

Старший научный сотрудник

Кандидат филологических наук

E-mail: olgaal_79@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=799746

WoS: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/AZ-3038-2020>

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57787537900>

Социально маркированный субъект винопития в прозе А.П. Чехова

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются особенности создания образа вакхического человека в социально маркированном аспекте на основе рассказов и повестей А.П. Чехова. Актуальность работы обусловлена ее вхождением в круг исследований, связанных с изучением аксиологического пространства художественного текста и авторского идиостиля. Материалом для изысканий послужила выборка контекстов, извлеченная из Полного собрания сочинений автора в 30 томах. Особое внимание уделено контекстам, в состав которых включается указание на занимаемое персонажем положение в обществе в совокупности с описываемой ситуацией застолья или винопития. Цель исследования — выявить и описать наиболее частотные характеристики социального типажа как бытового плана, так и его образа жизни и времяпрепровождения в контексте ситуации винопития. Выявлено, что любой герой Чехова тщательно выписан с точки зрения его социального статуса. В рамках данной статьи подробно изучаются черты и качества таких социальных групп и профессий, как мужик, ямщик / извозчик / кучер, актер. Отмечается, что при характеристике мужика как представителя социального класса маркируются его бесправное состояние и крайняя нужда, а также образ жизни, включающий постоянное употребление спиртного (пьянство), невежество и обман. Одновременно отмечается вера мужика в правду и справедливость. Показано, что выделение некоторых черт, таких как пьяный, грубый, грязный, с одной стороны, является универсальным для чеховского «пьющего» героя независимо от статуса. С другой стороны, за некоторым социальным статусом или деятельностью закрепляется образчик поведения, результатом которого становятся выделяемые черты.

Ключевые слова: А.П. Чехов; идиостиль; семантика винопития; культура питания; национальный характер; менталитет; индивидуально-авторский образ мира; языковая картина мира

Введение

Ситуация винопития и ее представление в художественном мире входит в предметный мир произведения. А.П. Чудаков, размышляя об особенностях вещного мира в творчестве А.П. Чехова, пишет, что дочеховское описание бытовых деталей, окружающего мира, например в произведениях Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и других авторов, отличается тем, что «все без исключения подробности имеют характерологическую и социальную значимость» [1, с. 139]; «каждый предмет, каждая подробность внешнего облика героя — ячейка целого, заряженная нужным для него смыслом» [1, с. 141]. Для Чехова характерно введение «черт случайных» [1, с. 146], или «случайной целостности» [1, с. 187], «мир вещей — не фон <...> Он уравнивается в правах с персонажами, на него также направлен свет авторского внимания» [1, с. 152], и при этом случайный предмет «окрепчает» весь ряд характеристических и символических деталей [1, с. 184]. «Ассоциативный тип творческого акта, — пишет В. В. Химич, — позволяющий схватывать летучие впечатления, намеки, оттенки чувств и мыслей, вызвал яркие импрессионистические явления в чеховском стиле» [2, с. 33].

Изображение ситуации винопития в прозе А. П. Чехова имеет свои отличительные черты:

- Предметы быта и реалии соотносятся с человеком, участвуют в образном формировании черт характера и внешности. Н. А. Кожевникова, анализируя сравнения и метафоры в произведениях А. П. Чехова, отмечает, что «возможности сопоставления внешнего мира расширены» и основаны на «эмоциональных ассоциациях» [3]. Так, в рассказе «Женщина с точки зрения пьяницы» различные виды напитков, преимущественно спиртного, становятся репрезентантами того или иного женского возраста / семейного статуса и имплицитно характера:

<...> От 17 до 20 — шабли и шато д'икем.

От 20 до 23 — токайское.

От 23 до 26 — шампанское.

26 и 27 лет — мадера и херес.

28 — коньяк с лимоном.

29, 30, 31, 32 — ликеры.

От 32 до 35 — пиво завода «Вена».

От 35 до 40 — квас.

От 40 до 100 лет — сивушное масло <...>¹.

---

¹ Здесь и далее фрагменты приводятся по источнику: Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. имени А.М. Горького; Редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.), Д.Д. Благой, Г.А. Бялый, А.С. Мясников, Л.Д. Опульская (зам. гл. ред.), А.И. Ревякин, М.Б. Храпченко. — М.: Наука, 1974–1982. — Том 3. — С. 240.

• Антропоморфными становятся и образы животных, при описании которых, с одной стороны, подчеркиваются их характерные особенности поведения, присущие им черты, с другой стороны, они участвуют непосредственно в воссоздании образа человека, его характера, в описании его социального статуса. Так, в рассказе «Рыбье дело (Густой трактат по жидкому вопросу)» приводятся различные «очеловеченные» характеристики видов рыбы. Рассмотрим фрагмент с описанием налима:

с) Налим. Тяжел, неповоротлив и флегматичен, как театральный кассир. Славится своей громадной печенкой, из чего явствует, что он пьет горькую. Живет под корягами и питается всякой всячиной. По натуре хищен, но умеет довольствоваться падалью, червяками и травой. «Где уж нам со щуками да головями равняться? Что есть, то и едим. И на том спасибо». Пойманный на крючок, вытаскивается из воды, как бревно, не изъясняя никакого протеста... Ему на всё плевать...² Как видно из примера, «антропоморфируется» характерная манера поведения рыбы, черты поведения, которые связываются напрямую с человеком — как театральный кассир. Причиной большой печени становится образ жизни — пьет горькую и отношение к жизни — ему на всё плевать.

• В некоторых произведениях А.П. Чехов вводит как средство характеристики персонажа вакхическую деталь. Так, в повести «Драма на охоте» появляется повторяющаяся деталь, характеризующая манеру питья графа Камышева и участвующая в заполнении его образа: *Пока мы с ней [Оленькой] беседовали, Митька уже успел два раза поднести графу водки и неразлучной с ней воды... Пользуясь тем, что я на него не смотрю, граф после обеих рюмок сладко поморщился и покачал головой. — Вы, может быть, закусить желаете? — спросила меня Оленька и, не дожидаясь ответа, вышла из комнаты...³ (подробнее см. [4]).*

• Лексемы *слабый* и *степенный*, попадая в вакхический контекст, характеризуют отношение человека к употреблению спиртного. *Слабость* как пристрастие и склонность к винопитию оценивается как неизбежность с точки зрения субъекта питья и как привычка, которую необходимо изменить, — с точки зрения стороннего персонажа (*А по ночам слезы и неотвязчивая, беспокойная мысль, что скоро-скоро отца уволят из гимназии за слабость и что он не перенесет этого и тоже умрет, как мать (Анна на шее)*)⁴. И в том и в другом случае лексема имеет характер эвфемизма, напрямую не называя «проблему». Прилагательное *степенный* выражает обобщающую положительную оценку некоторого ряда качеств личности, репрезентирующих его образ жизни, составной частью которого, по А. П. Чехову, является и отношение к питью (*степенный*, значит *не пьет*): — *А он, заметно, хороший человек, — сказала мамаша, не отрывая глаз от вышиванья. — Трезвый такой, степенный. — Ей-богу, барыня, не выйду! — крикнула вдруг Пелагея, вся вспыхнув (Кухарка женится)*⁵.

Предметом рассмотрения в данной статье является субъект винопития сквозь призму его социального статуса/профессии.

Социальный статус в произведениях А.П. Чехова рассматривается в разных аспектах. В.В. Химич отмечает черты характера и образ жизни интеллигенции в пьесах и поздних чеховских рассказах: «человек, не всегда приспособленный к практической жизни», «часто слабый и беспомощный», «наделенный духовным беспокойством», «страдающий от неустройства жизни» [5, с. 220]. А.И. Тимофеева описывает языковую личность учителя в рассказах «Учитель словесности» и «Скучная история» [6]. С.Е. Степанова анализирует

² Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. — Т. 4. — С. 39.

³ Там же. — Т. 3. — С. 270.

⁴ Там же. — Т. 9. — С. 163.

⁵ Там же. — Т. 4. — С. 137.

художественные средства выражения социального статуса персонажей на примере рассказов «Тонкий и толстый» и «Хирургия». Исследователь среди прочих средств выделяет одоративное противопоставление статуса: «от толстого пахло хересом и флёр-д'оранжем — элитными напитками, символами роскоши; от тонкого же пахло ветчиной и кофейной гущей — блюдами человека среднего класса» [7, с. 262]. Все приведенные ракурсы изучения социального в творчестве А.П. Чехова отмечают повторяющиеся, характерные для социальных типажей черты, а также то, что чеховский герой «социально совершенно конкретен» [8, с. 258].

В фокус внимания данного исследования попадают такие наименования лица, как *мужик*, *ящик*, *извозчик*, *актер*, которые рассматриваются в зеркале ситуации винопития.

Согласно «Частотному грамматико-семантическому словарю языка художественных произведений А.П. Чехова»⁶ лексема *мужик* встречается в произведениях А.П. Чехова 511 раз в 134 произведениях (469 — в прозе, 42 — в драме), причем словообразовательно-модификационный ряд составляют также слова *мужичок*, *мужичонка*, *мужичонко*, *мужичонок*, *мужичье*⁷; лексема *актер* — 158 словоупотреблений, из них 148 в прозе⁸ (1–2 словоупотребления *актер-любитель*, *актеришка*, *актер-современник* и др.), *ящик* используется в произведениях 68 раз, одно употребление в драматическом произведении, остальные 67 — в прозе⁹; *извозчик* — 213 словоупотреблений, 210 из них в прозе¹⁰; *генерал* — 280 раз в 70 произведениях (245 в прозаических); *чиновник* — 190 (4/186 драма и проза соответственно), словообразовательный ряд *чиновник-сослуживец*, *чиновница*, *чиновничек*, *чиновничиха*, *чинодрал*, *чиноначальник*, *чиноша*¹¹. Довольно большое число употреблений составляют наименования лиц медицинской сферы: *доктор* (1197 раз)¹², *медик* (48)¹³, *фельдшер* (165)¹⁴, а также *учитель* (259 случаев употребления, 230 из которых в прозе)¹⁴.

Д.О. Мачильская отмечает, что в начале произведений «социальная характеристика одного персонажа нередко дается сразу по двум, а иногда и трем основаниям»: по профессии, чину, должности, воинскому званию, выполняемому поручению и т. д. Например, «*Осип Степаныч Дымов был врачом и имел чин титулярного советника* («Попрыгунья»); *учитель военной прогимназии, коллежский регистратор Лев Пустяков* («Орден») <...>» [8, с. 259]. Названия некоторых рассказов А.П. Чехова содержат наименования социального статуса участников, например, рассказы «Мужики», «Актерская гибель», «Антрепренер под диваном», «Архиерей», «Добродетельный кабатчик», «Доктор», «Корреспондент» и др., в которых маркируются особые черты, репрезентирующие ту или иную должность и/или общественное положение.

⁶ Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А.П. Чехова с электронным приложением / О.В. Кукушкина, Е.В. Суровцева, Л.В. Лапоница, Д.Ю. Рюдигер. — М.: МАКС Пресс, 2012. — 571 с.

⁷ Там же. — С. 482.

⁸ Там же. — С. 470.

⁹ Там же. — С. 496.

¹⁰ Там же. — С. 477.

¹¹ Там же. — С. 494.

¹² Там же. — С. 475.

¹³ Там же. — С. 481.

¹⁴ Там же. — С. 493.

Образ мужика с «вакхической» точки зрения

В «Толковом словаре русского языка» (МАС) дефиниция *мужик* содержит четыре основные значения: «1. *Устар.* Крестьянин. <...> || Прост. устар., бран. О грубом, невежественном человеке. 2. *Прост.* Мужчина. <...> || Достигший зрелости, преимущественно женатый мужчина. 3. *Прост.* Муж, супруг. <...> 4. *с определением. Устар.* Работник, выполняющий грязную, грубую работу по дому. *Кухонный мужик.* <...>»¹⁵. С точки зрения занимаемого социального положения в обществе для данной работы значимыми представляются первое и четвертое значения.

В произведениях А.П. Чехова склонность к употреблению спиртного является одним из маркеров «мужика»: — *На что у тебя голос похож? Трещит, словно кастрюля. Опять, небось, вчера трахнул за галстук? Так и есть! Из рта, как из кабака... Эээх! Мужик, братец, ты! Невежа ты! Какой же ты певчий, ежели ты с мужиками в кабаке компанию водишь? Эх, ты осел, братец! — Грех, брат, грех... — бормочет отец Кузьма. — Бог всё видит... насквозь... — Оттого ты и пеня нисколько не понимаешь, что у тебя в мыслях водка, а не божественное, дурак ты такой* (Певчие)¹⁶. В данном фрагменте Алексей Алексеевич, псаломщик, обучающий церковному пению, выговаривает басу Геннадию Семичеву за отсутствие у него голоса, сравнивает его поведение с поступками, характерными для мужика, и использует в его отношении слова с отрицательно-оценочной семантикой *мужик, невежа, осел*. Первой в приведенном ряду следует лексема «мужик», которая приобретает здесь пейоративную коннотацию, выводимую на основании следующих характеристик: «*вчера трахнул за галстук*», «*из рта, как из кабака*», «*с мужиками в кабаке компанию водишь*», «*в мыслях у тебя водка*».

Ольфакторные свойства предмета для мужика являются своего рода способом познания окружающего мира, приобретения знаний, а также средством ориентации в пространстве: — *Я насчет ваших слов-с... насчет учения-с... На то вы и господа, чтоб всякие учения постигать... Мы темень! Видим, что вывеска написана, а что она, какой смысл обозначает, нам и невдомек... Носом больше понимаем... Ежели водкой пахнет, то значит — кабак, ежели дегтем, то лавка...* (Свистуны)¹⁷.

Рассмотрим следующие фрагменты, в которых приводится взгляд на образ жизни мужика и воспроизводится определенный типаж, одной из составляющих которого является отношение к спиртному:

(1) *В течение лета и зимы бывали такие часы и дни, когда казалось, что эти люди живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живут не согласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозревают друг друга. Кто держит кабак и спаивает народ? Мужик. Кто растрчивает и пропивает мирские, школьные, церковные деньги? Мужик. Кто украл у соседа, поджег, ложно показал на суде за бутылку водки? Кто в земских и других собраниях первый ратует против мужиков? Мужик. Да, жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут, как люди, и в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдания. Тяжкий труд, от которого по ночам болит все тело, жестокие зимы, скудные урожаи, теснота, а помощи нет и неоткуда ждать ее. Те, которые богаче и сильнее их, помочь не могут, так как сами грубы, нечестны, нетрезвы и сами бранятся так же отвратительно; самый мелкий чиновник*

¹⁵ Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 2. К–О. — С. 309.

¹⁶ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. — Том 2. — С. 353.

¹⁷ Там же. — Том 4. — С. 109.

или приказчик обходится с мужиками как с бродягами, и даже старшинам и церковным старостам говорит «ты» и думает, что имеет на это право (Мужики)¹⁸.

(2) — *А где брат Кирьяк? — спросил он [Николай Чикильдеев], когда поздоровались. — У купца в сторожах живет, — ответил отец, — в лесу. Мужик бы ничего, да заливает шибко. — Не добычик! — проговорила старуха слезливо. — Мужики наши горькие, не в дом несут, а из дому. И Кирьяк пьет, и старик тоже, греха таить нечего, знает в трактир дорогу. Прогневалась царица небесная (Мужики)*¹⁹.

В первом отрывке качественные прилагательные, используемые в краткой форме для экспликации временного состояния (*грубы, нечестны, грязны, нетрезвы*), попадают в один ряд с глаголами, обозначающими действия, нелокализованные на линии времени, субъект здесь приобретает обобщенный (генерализованный) статус и в целом создается «ожидаемый» тип поведения. Автор дает описание образа жизни мужика, его узуальных черт: *живут не согласно, постоянно ссорятся*. Пребывание в описываемом состоянии, вербализованном краткими прилагательными, обусловлено взаимоотношениями с окружающими и соотносится со шкалой этической оценки: *не уважают, боятся и подозревают друг друга*. Четыре вопроса, задаваемые не столько с целью получить ответ на вопрос *кто?*, сколько подчеркнуть повторяющийся однословный ответ — *Мужик* — и выделить типичные для него поступки. В трех вопросах так или иначе подчеркивается отношение мужика к спиртному, причем все поступки отрицательно окрашены с точки зрения морали: *держит кабак и спаивает народ; растрачивает и пропивает <...> деньги; ложно показал на суде за бутылку водки*. Нарратор называет причины этого состояния: *тяжкий труд, жестокие зимы, неурожай, отсутствие помощи*. Те же самые краткие прилагательные (*грубы, нечестны, нетрезвы*) повторяются во второй раз в отношении *богатого мужика*, утрачено прилагательное *грязны* (уровень их благополучия позволяет следить за своим внешним видом). Общее пренебрежительное отношение к мужику репрезентируется личным местоимением «ты», которое используют в обращении с ним другие социальные группы.

Если первый фрагмент содержит обобщающую характеристику, то второй — взгляд «изнутри», со стороны родителей Николая Чикильдеева, вернувшегося домой (в село) по болезни из Москвы. Мать и отец описывают своего второго сына, его отношение к спиртному, которое оценивается отрицательно: *Мужик бы ничего, да заливает шибко*. И далее содержится обобщение о всех представителях класса: *Не добычик! Мужики наши горькие, не в дом несут, а из дому*.

Подобное описание мужика, его качеств приводится и в рассказе «Моя жизнь (Рассказ провинциала)»:

(3) *Маша и Клеопатра, обе в белых платьях, сидели на берегу под ивой, в широкой тени, а Степан стоял возле, заложив руки назад, и говорил: — Нешто мужики — люди? Не люди, а, извините, зверьё, шарлатаны. Какая у мужика жизнь? Только есть да пить, харчи бы подешевле, да в трактире горло драть без ума; и ни тебе разговоров хороших, ни обращения, ни формальности, а так, невежа! И сам в грязи, и жена в грязи, и дети в грязи, в чем был, в том и лег, картошку из щей тащит прямо пальцами, квас пьет с тараканом — хоть бы подул!*²⁰ В этом фрагменте дается взгляд с точки зрения Степана, мельника.

¹⁸ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. — Том 9. — С. 311.

¹⁹ Там же. — Том 9. — С. 284.

²⁰ Там же. — Том 9. — С. 254.

Но одновременно рассказчик приводит и свое личное мнение:

(4) *В самом деле, были и грязь, и пьянство, и глупость, и обманы, но при всем том, однако, чувствовалось, что жизнь мужицкая, в общем, держится на каком-то крепком, здоровом стержне. Каким бы неуклюжим зверем ни казался мужик, идя за своею сохой, и как бы он ни дурманил себя водкой, всё же, приглядываясь к нему поближе, чувствуешь, что в нем есть то нужное и очень важное, чего нет, например, в Маше и в докторе, а именно, он верит, что главное на земле — правда, и что спасение его и всего народа в одной лишь правде, и потому больше всего на свете он любит справедливость. Я говорил жене, что она видит пятна на стекле, но не видит самого стекла <...>²¹.*

В приведенных отрывках глагольные словосочетания: *дурманить себя водкой* (пример 4); *в трактире горло драть без ума* (3); *заливать шибко, знать в трактир дорогу* (2); *пропивать деньги; ложно показать в суде за бутылку водки; держать кабак и спаивать народ* (1) — дают резко негативную характеристику качеств мужика. Глаголы несовершенного вида (НСВ) (за исключением глагола *показать* — совершенного вида (СВ)) обозначают ситуацию повторяющегося действия (неограниченно-кратный тип употребления с потенциально-качественным оттенком для НСВ, наглядно-примерный — для СВ, в нашем случае глагол *показать*). Узуальный тип субъекта, как отмечает Л.Н. Оркина, обозначает «общность социальных связей и отношений, включая национальные, родственные, классовые» (подробнее см. [9, с. 22–23]). Данная степень обобщения позволяет включать в однопорядковый ряд абстрактные существительные *пьянство, глупость, обманы* (пример 4), вещественное существительное *грязь* (примеры 3, 4) и его дериват — прилагательное *грязный* (в краткой форме — пример 1), которые воспроизводят негативно оцениваемую окружающую среду.

Следует также отметить, что *мужик* употребляется в предложениях с семантикой тождества, в которых указанный субъект соотносится с более широким классом (в предложении это т.н. «таксономический предикат» (подробнее о классификации семантических типов предложений и предикатов см. [10]): *...но все же они люди* (пример 1), — *Нешто мужики — люди? Не люди...* (пример 3). В таком употреблении в последующем контексте эксплицируются как их поступки (пример 3), так и обращение с ними со стороны других социальных слоев (пример 1). Ассессор — говорящий, дающий оценку — вводит оппозицию «человек/зверь», которая обнаруживается в дальнейшей характеристике мужика: *Не люди, а, извините, зверьё...* (пример 3); *Каким бы неуклюжим зверем ни казался мужик ...* (пример 4).

Помимо приведенного выше вакхического семантического ряда, обнаруживаются следующие ряды с негативной оценкой: с семей 'ложь' — *шарлатаны, обманы, ложно (показать в суде)*; 'глупость' — *невежа, (осел), глупость*; 'нечистота' — *грязны, грязь, (в грязи)*. Как видно из примеров, подчеркиваются причины этого состояния, а в последнем, четвертом, фрагменте рассказчик выделяет качество, присущее только мужику (*чего нет, например, в Маше и в докторе*) — *вера в правду и справедливость*.

Рассмотрим следующий пример: *И о душе своей заботился [Николай Иваныч] солидно, по-барски, и добрые дела творил не просто, а с важностью. А какие добрые дела? Лечил мужиков от всех болезней содой и касторкой и в день своих именин служил среди деревни благодарственный молебен, а потом ставил полведра, думал, что так нужно. Ах, эти ужасные полведра! Сегодня толстый помещик тащит мужиков к земскому начальнику за потраву, а завтра, в торжественный день, ставит им полведра, а они пьют и кричат ура,*

²¹ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. — Том 9. — С. 256.

и пьяные кланяются ему в ноги. Перемена жизни к лучшему, сытость, праздность развивают в русском человеке самомнение, самое наглое (Крыжовник)²².

Здесь в социальной оппозиции «помещик — мужик» выделяются и противопоставляются типичные для каждого поступки, вербализованные глаголами НСВ, маркирующими узуальность и повторяемость обозначаемого ими действия. Следует отметить происходящую смену субъекта действия. Перечень добрых дел: *лечил от всех болезней содой; служил благодарственный молебен; ставил полведра* — относится непосредственно к Николаю Иванычу, о чем свидетельствует введенный автором ментально-этический модус «думал, что так нужно». Восклицание — *Ах, эти ужасные полведра!* — содержит этическую оценку (качественное прилагательное *ужасные*), принадлежащую рассказчику Ивану Иванычу. В следующем за ним высказывании обозначается более высокий уровень обобщения: субъектом становится типичный представитель класса — *толстый помещик* и указываются его противоречащие друг другу поступки *тащит мужиков к земскому начальнику за поправу — ставит им полведра*, что сопровождается сменой временного плана (прошедшее заменяется настоящим неактуальным). Лексический повтор — *ставил полведра — ужасные полведра — ставит полведра*, — с одной стороны, свидетельствует о неизменности обозначенного поступка, с другой — о негативном отношении, неприятии его со стороны рассказчика, который описывает следующие за этим действия мужика: *они пьют и кричат ура, и пьяные кланяются ему в ноги*. Затем рассказчиком/автором вводится третий субъект безотносительно к классовой принадлежности, он обобщается на уровне нации — *русский человек* («сытый» и «праздник»). И далее идут размышления Ивана Иваныча о своем брате Николае и в целом о довольных и сытых людях: *Я соображал: как, в сущности, много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье...* Обозначенные выше семантические ряды возникают вновь: *невежество, скотоподобие, бедность, пьянство, лицемерие, вранье*.

Таким образом, при описании *мужика* как представителя социального класса маркируются его бесправное состояние и крайняя нужда, а также образ жизни, включающий постоянное употребление спиртного (пьянство), невежество и обман. Одновременно отмечается вера мужика в правду и справедливость.

Об особенностях описания ямщика (извозчика, кучера), актера

За некоторыми профессиями/социальными классами закрепляется стереотипное представление о склонности к частому употреблению спиртного, что фиксируется в пословичном фонде языка и фразеологизмах: например, *пьян как сапожник* или *Сапожник накуликался, портной наутюжился, купчик начокался, приказный нахлестался, чиновник нахрюкался, служивый подгулял*. При моделировании улицы XIX века и ее обывателей Борис Акунин традиционно включает *извозчика, дворника*. За ними закрепляется определенный образчик «вакхического» поведения (см. подробнее [11]). По данным Национального корпуса русского языка (пользовательского подкорпуса: Чехов)²³ и «Частотного грамматико-семантического словаря языка художественных произведений А.П. Чехова», лексемы *кучер* и *извозчик* употребляются чаще, чем лексемы *ямщик, возница, ванька*²⁴: 148 / 213

²² Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. — Том 10. — С. 60–61.

²³ Национальный корпус русского языка. — Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>.

²⁴ Лексема *ванька* в значении «возница» встречается в одноименном рассказе «Ванька» (1884).

/ 68 / 32 / 7 словоупотреблений соответственно²⁵. В некоторых произведениях описывается склонность персонажа к употреблению спиртного и связывается это с «профессиональной» деятельностью. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Сидельцы из мясной лавки, которых он [Ванька] расспрашивал накануне, сказали ему, что письма опускаются в почтовые ящики, а из ящиков развозятся по всей земле на почтовых тройках с пьяными ямщиками и звонкими колокольцами (Ванька)*²⁶.

(2) *Затем он [Лаптев] поехал в Стрельну, но и там не встретил никого из своих, и только когда, возвращаясь назад, опять подъезжал к Яру, его с шумом обогнала тройка; пьяный ямщик кричал, и слышно было, как хохотал Ярцев: «га-га-га!» (Три года)*²⁷;

(3) *Приехали в Нижнее Городище. <...> В трактире было много народа, всё извозчики, и пахло тут водкой, табаком и овчиной. Шел громкий разговор, хлопали дверью на блоке (На подводе)*²⁸.

(4) — *Кушайте, Данило Семеныч! — угощала нянька извозчика. — Да что вы всё чай да чай? Вы бы водочки выкушали! И нянька придвигала к гостю сороковушку и рюмку, причем лицо ее принимало ехиднейшее выражение. — Не потребляю-с... нет-с... — отнекивался извозчик. — Не невольте, Аксиныя Степановна. — Какой же вы... Извозчики, а не пьете... Холостому человеку невозможно, чтоб не пить (Кухарка женится)*²⁹.

(5) — *Ты, Анютинька, будь милостива ради праздника, — сказала она, отворяя дверь в кухню. — Прости его, уж бог с ним! Ну их! Среди кухни на коленях стоял кучер Пантелей, уволенный за пьянство еще в ноябре. Это был добрый человек, но во хмелю он бывал буен и никак не мог уснуть, а всё ходил в корпуса и кричал там угрожающим тоном: «Мне все известно!» (Бабье царство)*³⁰.

Второй и третий отрывки описывают текущую ситуацию: *тройка лошадей / крик пьяного ямщика* (пример 1), *трактир / много народа, всё извозчики / ольфакторные составляющие* (пример 2). Пятый фрагмент содержит узуальную характеристику, тип поведения кучера Пантелея: *он бывал буен и никак не мог уснуть*.

В первом и четвертом фрагментах характеристика образа жизни ямщика / извозчика выходит за временные рамки текущей ситуации: передается расхожее представление о доставке почты по всей стране «пьяными ямщиками» на тройках (пример 1) или времяпрепровождении извозчика и холостого человека (пример 2). Субъект, обозначающий класс, выражен существительным в форме множественного числа (*ямщики; извозчики*) и единственного (*холостой человек*) в обобщающей функции. Высказывание *Извозчики, а не пьете...* является предложением с выражением мотивационных отношений (подробнее о семантических видах таких предложений см. работу Т.Н. Юркиной [12]). В первой части содержится уступительное значение. Как отмечается в академической Русской грамматике 1980, «<...> уступительные отношения построены на столкновении двух версий: априорной (первый компонент значения) и актуальной (второй компонент)» или «на противоречии (антитезе) непосредственной и

²⁵ Здесь мы не будем подробно останавливаться на разнице лексического значения приведенных слов.

²⁶ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. — Том 5. — С. 481.

²⁷ Там же. — Том 9. — С. 59.

²⁸ Там же. — Том 9. — С. 339.

²⁹ Там же. — Том 4. — С. 135–136.

³⁰ Там же. — Том 8. — С. 271–272.

скрытой информации»³¹. В нашем случае непосредственной (мотивирующей) информацией является выполняемая персонажем работа (извозчик), имплицитной — бытующий стереотип или пресуппозиционный фон профессии — склонность к винопитию, а также закрепленное в словаре значение «грубый»³².

Сходство в репрезентации профессиональных стереотипов обнаруживает и типаж актера. Приведем следующие примеры:

(1) *А актеры! Когда я была девушкой, то боготворила этих знаменитостей, с тех пор же, как вышла за тебя, я не могу на театр смотреть равнодушно. Вечно пьяны, грубы, не умеют держать себя в женском обществе, надменны, ходят в грязных ботфортах* (Конь и трепетная лань)³³.

(2) — *Актеры и газетчики собрали ему на памятник и ... пропили, голубчики... — вздохнул актер, кладя земной поклон и касаясь коленами и шапкой мокрой земли <...> Горька доля актерская! Потерял я и молодость, и трезвость, и образ божий...* (На кладбище)³⁴.

(3) — *Здорово, Федя! — обратился к нему Почечуев. — Я слышал, дружок, что ты того... лежишь от запоя. Сделай милость, не в службу, а в дружбу, походи ты Дикобразова! Ведь, знаешь, запил! — Бог с ним, — пробасил уныло Гребешков. — Актеров, которые попроще, купцов и чиновников я, действительно, пользую, а тут ведь знаменитость, на всю Россию! (Средство от запоя)*³⁵.

(4) *Придя в трактир, Градусов и Калякин нашли в нем целое сборище. Тут сидели купцы, актеры, чиновники, полицейские писаря — вообще вся «шваль», имевшая обыкновение собираться в трактире по вечерам, пить чай и пиво* (Из огня да в полымя)³⁶.

В первом и втором фрагментах воссоздается обобщенный образ актера. Для описания типажа употребляются характеристики, вербализованные посредством кратких прилагательных *пьяны, грубы, надменны* и глаголов НСВ, употребляемых в ситуации повторяющегося действия. Такие свойства, как *пьяны, грубы, в грязных ботфортах* практически аналогичны чертам, приводимым выше, при описании *мужика — грубы, нетрезвы, грязны*. Второй фрагмент содержит экспликацию составляющих «актерской доли», которая оценивается в негативном ключе: оценочное прилагательное *горька* выносится в рему высказывания, что предполагает последующее объяснение, в котором использован эмфатический порядок слов, подчеркивающий эмоциональность говорящего: «*Потерял я и молодость, и трезвость, и образ божий...*». В третьем и четвертом примерах приводится ряд заведомо трагичных с точки зрения занимаемой должности/работы — «*купцы, актеры, чиновники, полицейские писаря*» (пример 4) и лиц, которых Гребешков лечит от запоя — «*актеров, <...>, купцов и чиновников*» (пример 4). Как мы видим, актер входит в оба «списка».

³¹ Русская грамматика. — М.: Наука, 1980. — Том 2. — Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/3043-3057.html#3043> (дата обращения 20.03.2023).

³² Извозчикий // Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А–Й. — С. 639. — Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/09/ma163928.htm> (дата обращения 20.03.2023).

³³ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. — Том 4. — С. 99.

³⁴ Там же. — Том 3. — С. 76.

³⁵ Там же. — Том 4. — С. 176.

³⁶ Там же. — Том 3. — С. 58.

Таким образом, если при анализе социального типажа *мужик* субъект представлен в трех «ипостасях», ему соответствуют три степени абстракции: конкретный — узуальный — генерализованный субъект (в нашем случае — национальный), эксплицируются причины, связанные с устройством общества, подчеркиваются качества мужика, устройство быта, а также его вера в правду и справедливость, то при анализе сферы занятости/деятельности на первый план выходят стереотипы.

Заключение

Подведем некоторые итоги:

1. Маркирование социального аспекта личности субъекта в прозе А.П. Чехова, его максимальная конкретизация создается посредством повторяющихся свойств и качеств личности. Повторяемость достигается с помощью последовательного абстрагирования субъекта: конкретного — узуального — генерализованного (*мужик* как конкретный субъект — как субъект повторяющегося действия, образ жизни — обобщенный/вневременной типаж поведения).
2. Что касается «вакхического» аспекта, представляется, что выделение некоторых черт, таких как *пьяный, грубый, грязный*, с одной стороны, является универсальным для чеховского «пьющего» героя независимо от статуса. С другой стороны, за некоторым социальным статусом или деятельностью закрепляется образчик поведения, результатом которого становятся выделяемые черты.
3. За некоторыми профессиями закрепляются стереотипы, входящие в фоновые знания, о склонности к винопитию, что фиксируется как в языке в виде устойчивых сравнений и пословиц, так и в мире художественного произведения.

Литература

1. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. — М.: Наука, 1971. — 293 с.
2. Химич В.В. О художественной системе А.П. Чехова // Филологический класс. — 2004. — № 12. — С. 32–37.
3. Кожевникова Н.А. О тропах в прозе А.П. Чехова // А.П. Чехов: PRO ET CONTRA. Личность и творчество А.П. Чехова в русской мысли XX–XXI веков (1960–2010): Антология. — Т. 3. — СПб.: РХГА, 2016. — С. 504–513.
4. Димитриева О.А. Функционирование вакхической лексики в повести А.П. Чехова «Драма на охоте» // Филология и культура. — 2022. — № 4(70). — С. 51–58. — DOI: 10.26907/2782-4756-2022-70-4-51-58.
5. Химич В.В. Булгаков и Чехов: динамика восприятия // Вестник Тюменского государственного университета. — 2003. — № 3. — С. 216–225.
6. Тимофеева А.И. Образ и языковая личность учителя (на примере рассказов А.П. Чехова «Учитель словесности» и «Скучная история») // Дискурс профессиональной коммуникации. — 2020. — Т. 2, № 3. — С. 85–99. — DOI 10.24833/2687-0126-2020-2-3-85-99.

7. Степанова С.Е. Основные приемы выражения социального статуса персонажей в рассказах А.П. Чехова // Русистика и современность: сборник статей XXII Международной научной конференции. — Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2019. — С. 260–264.
8. Мачильская Д.О. «Социальные» наименования как способ презентации персонажа в рассказах А.П. Чехова // Текст, контекст, интертекст: сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XV Виноградовские чтения / Отв. ред. И.Н. Райкова. Том 1. — М.: Книгодел, 2019. — С. 257–262.
9. Оркина Л.Н. Синтаксические структуры с семантикой обусловленности в современном русском языке. — СПб.: САГА, 2010. — 332 с.
10. Кулигина И.А. Соотношение семантических типов предложений с семантическими типами предикатов // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — № 1(20). — С. 63–66.
11. Димитриева О.А. Художественная интерпретация концепта винопитие в серии детективных романов Бориса Акунина «Приключения Эраста Фандорина» // Научный диалог. — 2019. — № 9. — С. 56–72. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-56-72.
12. Юркина Т.Н. Мотивационные отношения в русских народных сказках // Этнокультурные феномены в образовательном процессе: сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции, Чебоксары, 27–28 октября 2021 года. — Чебоксары: ЧГПУ имени И.Я. Яковлева, 2021. — С. 553–557.

Dimitrieva Olga Albertovna

Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia

E-mail: olgaal_79@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=799746

WoS: <https://www.webofscience.com/wos/author/rid/AZ-3038-2020>

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=57787537900>

The socially marked subject of wine drinking in the prose of A.P. Chekhov

Abstract. This article discusses the features of creating the image of a bacchic man in a socially marked aspect based on the stories and novellas of A.P. Chekhov. The relevance of the work is due to its entry into the circle of research related to the study of the axiological space of a literary text and the author's idiostyle. The material for the research was a selection of contexts extracted from the author's Complete Works in 30 volumes. Particular attention is paid to the contexts, which include an indication of the character's position in society in conjunction with the described situation of a feast or wine drinking. The purpose of the study is to identify and describe the most frequent characteristics of the social type of both the household plan and its lifestyle and pastime in the context of the situation of wine drinking. It is revealed that any hero of Chekhov is carefully written out from the point of view of his social status. Within the framework of this article, the features and qualities of such social groups and professions as a peasant, a driver / coachman / coachman, an actor are studied in detail. It is noted that when characterizing a peasant as a representative of a social class, his disenfranchised state and extreme need are marked, as well as a lifestyle that includes constant alcohol consumption (drunkenness), ignorance and deception. At the same time, the peasant's faith in truth and justice is noted. It is shown that the selection of certain traits, such as drunk, rude, dirty, on the one hand, is universal for Chekhov's "drinking" hero, regardless of status. On the other hand, a certain social status or activity is assigned a pattern of behavior, the result of which are distinguished features.

Keywords: A.P. Chekhov; idiostyle; semantics of wine drinking; culture of drinking; national character; mentality; individual author's image of the world; linguistic worldview